

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

ДОМ
С ПРИВИДЕНИЯМИ

SERGEY SNEGOV
HAUNTED HOUSE

Сергей Снегов

Дом с привидениями

«СОЮЗ»

1983

Снегов С. А.

Дом с привидениями / С. А. Снегов — «СОЮЗ», 1983

ISBN 978-5-6051458-4-4

Хронофизик Лаура Павлова по направлению Академии Наук, отправляется на Уран, в Институт Экспериментального Атомного Времени. Она намеревается работать в знаменитой шестой лаборатории института, занимающейся хроноэкспериментами по перенесению мертвой материи на живые клетки. Но единственный сотрудник и одновременно руководитель лаборатории – Герд Семеняк пропал. А в самом здании появились привидения – факт, зафиксированный высокоточными приборами. В этой лаборатории ставили самые сложные, самые перспективные эксперименты. Почему же ее закрыли? Где находится Герд Семеняк? И как возник этот глупый слух о призраках?

ISBN 978-5-6051458-4-4

© Снегов С. А., 1983

© СОЮЗ, 1983

Содержание

1	6
2	8
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Снегов

Дом с привидениями

© Т.С. Ленская
© Е.С. Ленская
© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

1

– Если по-честному, Лаура, то вы можете рассчитывать только на личное обаяние, – сказал Матвей Чернов, заместитель директора Института Экспериментального Атомного Времени. – Ростислав Берроуз – мужчина поведения образцового, это все знают, но женская красота действует и на него. Что же до аргументов научного характера, то они отскакивают от Ростислава, как горох от стены. Вот уже два года он никому не разрешает переступить порога «шестерки». Я имею в виду лабораторию номер шесть.

Лаура Павлова, хронофизик с Земли, сохраняла спокойствие. Матвей Чернов держал себя слишком развязно. Он неприкрыто любовался Лаурой, его выпуклые глаза как-то нехорошо блестели, ей показалось даже, что Чернов подмигнул. Второй человек в научной иерархии знаменитого института мог бы вести себя и посерьезней. Она не для того ударилась в вояж за пределы Солнечной системы, чтобы предаваться на дальних планетах пошловатому флирту. На Земле и без Урании хватало ценителей женской красоты – и помоложе, и покрасивей Матвея Чернова, тем более – его начальника Ростислава Берроуза, уродливого пожилого толстяка: его часто показывали в стереопередачах.

Лаура спросила подчеркнуто сухо:

– Может быть, вы объясните мне, друг Матвей, почему наложено табу на шестую лабораторию?

Чернов, показалось ей, искренно удивился.

– Разве вы ничего не знаете о «шестерке»? Почему тогда проситесь именно в нее? Очень странно, скажу вам по совести.

Раздражение получало новую пищу.

– Меня удивляет ваше удивление. Я еще на Земле знала, что шестая единственная лаборатория вашего института, где делается попытка перенести хроноэксперименты с мертвой материи на живые клетки. И что заведует ею Герд Семеняка, биолог и хронофизик, автор выдающихся исследований. И что именно в этой лаборатории достигнуты сенсационные результаты. Разве этого мало, чтобы просить назначения в шестую лабораторию, или в «шестерку», как вы ее именуете. И вообще мне хотелось бы поговорить с самим Гердом Семенякой, а не с вами. Не сочтите это за оскорбление, друг Матвей, но направление из Академии Наук, которое я вам вручила, адресовано не вам, даже не Берроузу, а персонально Герду.

– Вижу, что вы мало знаете о «шестерке», – хладнокровно констатировал заместитель директора. Он пренебрежительно игнорировал выпад Лауры. Вернее, сведения у вас самые общие и безнадежно устарелые. Я не могу свести вас с Гердом, потому что Герда нет на Урании. Он уже два года где-то на Земле.

– На Земле? Вы не ошибаетесь? Я бы встретила с Гердом в Академии Наук, если бы он был на Земле.

– Земля обширна, на ней имеются укромные уголки. И солнечные планеты отлично годятся для тех, кто не желает выпячивать свою особу. Дело в том, что Герд не просто воротился на Землю, а сбежал туда. Он самовольно бросил свою лабораторию. Впрочем, подробней вам расскажет об этом Ростислав Берроуз. Скажу по чести, я не все понимаю в делах «шестерки». Это была совершенно особая лаборатория.

Лаура чувствовала себя сбитой с толку. Если поначалу ей показалось, что Чернов заигрывает с ней, то теперь все больше становилось ясно: заместитель директора пошучивает. А она была не из тех, кто сносит шутки над собой. Лаура сказала:

– Вероятно, кто-нибудь заменил Семеняку? Герд сбежал на Землю, так вы сказали. Но ведь остались его сотрудники. Могу я встретиться с ними?

Чернову, похоже, доставляло удовольствие отвечать на все просьбы отказом. Он делал это вполне дружески:

– Не можете, Лаура. Сотрудников у Герда не было. Он работал в одиночестве. Вам придется просить у Ростислава Берроуза, чтобы он раскрыл заколоченное помещение. Я не говорю, что это невозможно, я только сомневаюсь, чтобы Ростислав пошел на это с охотой. Он побаивается шестой лаборатории. Признаюсь, и я обхожу стороной шестерку. Эта лаборатория дом с привидениями. Вероятно, поэтому и Герд сбежал из нее. Впрочем, это мое личное предположение, не буду вам его навязывать.

Лаура холодно сказала:

– Я так поняла, что ваше личное предположение относится к тому, что в шестой лаборатории появились какие-то привидения? До сих пор я читала о привидениях только в средневековых романах. Разве на Урании увлекаются древними книгами?

– Вы неправильно истолковали мои слова. Я высказал предположения только о мотивах бегства Герда. Что до привидений, то появление их в шестерке – экспериментальный факт, зафиксированный приборами. Это все, что могу сообщить вам по данному поводу.

– Остальное мне расскажет директор Ростислав Берроуз, не так ли?

Чернов рассмеялся так радостно, словно Лаура не съязвила, а похвалила его.

– Вы попали в самую точку, друг Лаура. Очень рад, что у вас развита способность улавливать суть. Понимание ситуации будет весьма действенным подспорьем вашей внешности, которая, вы сами знаете, незаурядна. Кончим пока на этом.

Лаура встала.

– Последняя просьба. Мне не терпится пообщаться с другом Берроузом, раз так много зависит от него, а сами вы от всего уклоняетесь. Проводите меня к директору.

Чернов ослепительно улыбался. «Наглая ухмылка», – с негодованием подумала Лаура.

– Директор сегодня улетел на Латону на том самом звездолете «Беллерофонт», на котором вы прибыли с Латоны. Вы увидите его дней через пять. Используйте это время для знакомства с Уранией. Уверяю вас, наша планетка – рай для любителей природы. К сожалению, мы сами почти никогда не любимся красотой своего жилья, а для туристов Урания запрещена опасное все-таки местечко, если сказать...

– ...по чести, – насмешливо закончила Лаура.

– Можно и так, – согласился Чернов. – Но я имел в виду другое: сказать откровенно. Или, если вам так больше нравится, – сказать со всей прямоотой. – И, провожая Лауру к двери, он добавил: – Между прочим, я далеко не от всего уклоняюсь. Если вы добьетесь открытия «шестерки», то по всем основным аспектам работы вам придется обращаться ко мне. Мы еще надоедим друг другу, Лаура, можете мне поверить.

Она едва удержалась от признания, что он уже надоел ей за первые полчаса их служебного знакомства.

Уже когда она перешагнула порог, Чернов, словно спохватившись, поинтересовался, не нужно ли ее сопровождать в прогулках по незнакомой планете? Гидов у них нет, приказать кому-либо из подчиненных уделить ей внимание он, естественно, не может. Зато в собственное неслужебное время охотно сыграл бы роль спутника для землянки, впервые забравшейся в звездную даль. Как она отнесется к такому дружескому предложению? Она отнеслась к дружескому предложению без восторга. Она и на Земле, и на солнечных планетах предпочитает гулять в одиночестве. Она не видит оснований менять свои привычки даже для Урании. Он улыбался так доброжелательно, что она сочла улыбку оскорбительной. Он не постеснялся показать, что отказ Лауры взять его в спутники вполне его устраивает.

2

Надо было идти в гостиницу – переодеться и отдохнуть: перелет с Латоны на Уранию на стареньком звездолете вышел утомительным. В тесном салончике она все удивлялась, что на планетах, известных своим высочайшим техническим уровнем, в эксплуатации космические рывданы прошлого века, давно забытые на Земле. Штурман, рослый парень, явно покоренный ее красотой, доказывал, что расстояние между Латоной и Уранией так невелико, а трасса так спокойна – ни шальных метеоритов, ни вредных излучений, – что грех не использовать хоть и старые, но вполне надежные планетолеты. Он говорил с таким жаром, так стойко стоял за свою колымагу, что Лаура не пожелала противоречить, хотя могла сослаться хотя бы на то, что на междупланетные перевозки на Земле давно поставили более комфортабельные космоходы. Странный разговор с заместителем директора – она явилась к нему прямо с космодрома – не создал бодрости. Но Лаура не могла пойти отдыхать, не бросив взгляда на лабораторию, где твердо – еще на Земле – задумала специализироваться.

Институт Экспериментального Атомного Времени часто показывали на стереоэкранах, Лаура шла между его корпусов, как по хорошо известному местечку. Собственно, это было не местечко, а городок – десятки зданий, хорошо освещенные улицы. Ни одного прохожего – на улицах, городок казался пустынным. Впрочем, таковы были – это Лаура знала – и другие научные городки на других планетах, сотрудники не прогуливались, а работали внутри своих лабораторий и научных заводов.

Лаборатория номер шесть располагалась чуть в стороне. Лаура остановилась перед двухэтажным домом в хорошо распланированном саду. В узких аллеях горели оранжевые светильники, несильный ветер качал густокронные деревья, листва тихо шелестела. А дом был темен – ни одно окно не светилось, только над входом тускло горела надпись: «Лаборатория № 6». Лаура потрогала ручку двери, ручка повернулась, дверь осталась закрытой. Лаура долго смотрела на темное здание. Дом был необычен – стоял в стороне обособленно, скрытый густым садом, словно то, что в нем происходило, нужно было утаить от внимания посторонних (хотя какие могут быть в этом научном городке посторонние? – спросила себя Лаура). И по сравнению с многоэтажными громадами других лабораторий эта, шестая, казалась крохотной, в ней было что-то провинциальное, что-то из учебника древности, в старину лаборатории часто размещали в таких вот невзрачных домишках. Лаура засмеялась. Привидения, естественно, – вздор, но если бы они вдруг возникли, то место обитания выбрали бы именно такое, раз уж нет на Урании старинных замков с башнями, низкими коридорами, подземными казематами, где они, по свидетельству предков, любили гнездиться. Самому неистовому фантасту не взбредет в голову сделать привидение жителем небоскреба с автоматическими лифтами, залитыми светом холлами и самосветящимися стенами. А двухэтажный домишко, пожалуй, сойдет за обиталище призраков, лакеям, поварам и садовникам, которые обычно жили в таких пристройках, тени давно умерших владельцев замка в кольчугах и панцирях, разъяренные старухи-графини с распущенными волосами, герцоги и короли в саванах... Лаура передернула плечами.

– А ведь в этой лаборатории ставили самые сложные, самые перспективные эксперименты, – сказала она вслух. – Почему же ее закрыли? Почему Герд Семеняка самовольно бросил свое детище и сбежал на Землю? Как возник глупый спор о призраках? Не поиздевался ли надо мной Матвей Чернов? С него это станет, он, похоже, из шутников!

Лаура задавала себе вопросы, зная, что они риторичны, – до приезда директора института ответа не будет. Но поставить их себе надо было – они образовали программу того, что следовало выяснить, раньше чем Ростислав Берроуз предоставит для ее исследований механизмы шестой лаборатории. Друзья называли Лауру педантом, они сокрушались: «При такой очаровательной внешности, при такой обманчивой женственности столь жесткий, прямолинейный,

сухой ум!» А муж, Леонид Парфенов – она с ним разошлась год назад, – негодовал, когда она припирала его неопровержимыми доводами. «Твои мысли не убеждают, а режут меня, Лаура. Это ужасно, они тверды, как кристаллы алмаза». Леонид, впрочем, все в мире не так видел, как слышал, у него, каждая на свой лад, звучали не только вещи, но и идеи. Он, очень модный в двадцать пятом веке композитор, даже назвал одно свое произведение «Углубление в первопричины. Концерт для четырех голосов», а другое – еще проще и выразительней: «Скалы гремят. Соната для электронного органа». И о плане Лауры ради хронофизики полететь на Уранию – в результате спора об этом плане они и расстались – Леонид высказался по-своему: «Твои новые идеи старчески шепелявят. Зачем молодой женщине восставать против лучшего времени своей жизни?» На большее его не хватило – исследование физического тока времени он воспринял как попытку отказаться от своего собственного, индивидуального, выданного природой на существование. В физике он был несилён.

Лаура раза два обошла вокруг темного здания и направилась в гостиницу. В квартирке, предоставленной ей, висела карта обоих полушарий планеты. Урания, планетка, найденная в пустом космосе неподалеку от Латоны, главной Галактической Базы Звездного Содружества, была невелика: ее отдали для научных исследований, которые в окрестностях Солнца рискованно ставить – проблемы были большие, а больших площадей для них не требовалось. Сегодня, на шестьдесят втором году Урании, на ней действовали мощные энергетические станции и восемь институтов. Институт Экспериментального Атомного Времени, куда выпросила направление Лаура, по размерам вовсе был не самым крупным, хотя поглощал почти половину всей производимой на Урании энергии. Животворила свою единственную планетку Мардека – звезда средней руки, желтоватая, того же спектрального класса, что и земное солнце. Космостроители постарались имитировать земные условия, многое им удалось, только сутки вышли короче земных: всего восемь земных часов на полный оборот планеты вокруг своей оси – неудобство, конечно, сообщало описание на полях карты, но жители Урании безболезненно привыкают к быстрой смене дня и ночи. Лаура пожалала плечами. Ей не придется страдать от быстрого чередования света и тьмы. На Земле она жила в искусственной обстановке, так уж получалось, не одну ее заставлял врасплох простой вопрос: что сейчас на дворе, день или ночь? На Земле были гигантские подземные города, их вечно заливало сияние, кто-то изредка выбирался наверх «во двор», были и такие, что не терпели подземелий роскошней древних дворцов. Она не принадлежала к числу любителей «естественных условий», земные леса и океаны раздражали ее тем, что существовали сами по себе, как их изначально создала природа, их лишь немного приспособили к человеку, только внизу, в лабораториях и цехах, было полностью дано все, что требовалось для удобства быта и труда. И здесь будет так же, пообещала себе Лаура Павлова, красивая молодая женщина, хронофизик, командированная с Земли на Уранию для особо опасных работ и ради них без колебаний предоставившая развод мужу, так и не понявшему, несмотря на ее – не всегда, правда, терпеливые – разъяснения высоких задач.

3

Ростислав Берроуз не выказал восхищения смелостью исследований, задуманных Лаурой. Он хмуро глядел в окно. Он был массивен, людям такой комплекции на Земле пришлось бы пройти тяжкий курс восстановления физической формы. На Урании, очевидно, врачи не имели столь большой власти. Широкое, пухлое лицо директора института напоминало маску, на нем застыла равнодушная безучастность. «Вроде постаревшего Будды, которому надоело все на свете: уже созрел для нирваны», – насмешливо подумала о Берроузе Лаура. На человека, руководящего научными исследованиями и, стало быть, сопричастного тайнам природы, он решительно не походил. Если его заместитель Матвей Чернов словоохотливой развязностью вызывал раздражение, то сам директор пугал равнодушием. И когда, выслушав Лауру, он заговорил, в голосе зазвучала такая серая бесстрастность, что она показалась сродни безнадежности.

– Да, конечно, – сказал директор, не отрывая взгляда от того, что происходило за окном, а там ничего не происходило, Лаура это видела. И замолчал так надолго, что Лаура, не выдержав, спросила почти резко:

– Как понимать ваше утверждение: «конечно», друг Ростислав?

– В прямом значении, – равнодушно сказал директор.

– Я не очень различаю прямое и косвенное значение научного термина «конечно», – сказала Лаура так убийственно вежливо, что даже рыхлого директора прорняло.

В его лице что-то изменилось – будто слабый отблеск неосуществленной улыбки осветил на мгновение серые щеки – и он наконец заговорил связно.

– «Конечно» – слово многозначное. Конечно, уважаемая Лаура Павлова, хронофизик-экспериментатор имеет право задумывать любые научные исследования. Конечно, в представленном ею плане исследований имеются интересные идеи. Конечно, лучше Урании не найти места для осуществления своих идей. Конечно, единственная лаборатория на Урании, пригодная для работ Лауры Павловой, – это лаборатория хронофизики живых клеток, созданная Гердом Семенякой. Конечно, сам Семеняка быстро создал бы условия для ее экспериментов. Но Герда на Урании нет, и где он сейчас обретается, неизвестно – и это тоже – конечно.

– Ко всем изложенным вами многочисленным «конечно» я хотела бы добавить еще одно, – сказала Лаура. – Очень жаль, что Герда Семеняки нет, я надеялась на его руководство. Но и без него я, конечно, смогу использовать его аппаратуру. Абсолютно в том уверена.

– Попробовать можно, – промямлил директор. – Можно, конечно, открыть лабораторию Герда. Почему не возобновить в ней работы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.